

**ЗАПОМНИ
И
ОТОМСТИ!**

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД • 1942

Ир 50 Г-2
285

ЗАПОМНИ
И
ОТОМСТИ!

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД • 1942

Редактор *Н. М. Гесен*

Подписано к печати 16/IX 1942 г.

2³/₄ печ. лист. 2,31 уч.-авт. лист.

42.256 твп. знак. в 1 печ. листе.

Тираж 1500 экз.

М 9065

Заказ № 310

4-я тип. ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ им. Евг. Соколовой

НЕ ОТДАДИМ БРАТЬЕВ И СЕСТЕР НА ЛЮТУЮ СМЕРТЬ, НА ПОРУГАНИЕ!

Страшный, кровавый след тянется за гитлеровскими ордами, рвущимися в глубь советской страны. Огнем сжигаемых городов и сел, виселицами, расстрелами советских людей, бесчеловечными пытками сопровождают фашистские звери каждый свой шаг по нашей земле.

Не только землю захватывают они, когда продвигаются вперед, — людей захватывают, мирных жителей, стариков, женщин, детей. наших отцов и матерей, братьев и сестер, жен и детей фашисты разлучают с нами, разлучают с советской родиной, со всем, что им дорого, с чем связана их жизнь. Еще вчера свободные граждане, хозяева своей земли, своего завода, своего колхоза, они сегодня под ненавистной властью немцев, жертвы фашистской разнузданности и похоти, жертвы их волчьей злобы.

Пусть знает каждый боец Красной Армии, каждый командир, каждый политработник, что, отступая перед врагом, он оставляет на лютую смерть, на поругание, на рабство советских

людей, своих соотечественников, своих родных. Для всех для них Красная Армия — родная армия, ей они доверили свою судьбу, ей они верят, в боях ее они видят своих защитников и спасителей, видят тех, кто жизни своей не пощадит, чтобы спасти соотечественников, выручить их из злой беды, освободить от подлых немецких палачей, насильников, грабителей, убийц.

Советские люди непоколебимо верят, что все свои силы употребит Красная Армия на то, чтобы остановить врага, отбросить его, разгромить — и очистить советскую землю от фашистской погани, освободить советских людей от кошмара мучительной смерти и унижительного надругательства над человеческим достоинством, над честью.

Уже приходят к нам многочисленные вести о фашистских зверствах на Дону. Южнее Батайска, едва отошли части Красной Армии, фашистские мерзавцы согнали на минированное поле местных жителей — женщин, детей и стариков. Свыше 150 человек подорвались на минах.

Советские люди и в тяжелой немецкой неволе горды, преданы своему народу, своей советской родине. И за это беспощадно убивают их гитлеровцы, за это истребляют они советских детей. Фашистским мерзавцам нужны рабы. Они хотят пытками, подлейшими насилиями убить человека в советском гражданине, хотят отнять честь у советской девушки, превратить советских

женщин в наложниц фашистских прогнивших распутников.

В некоторых деревнях близ Касторного фашисты согнали всех молодых женщин и девушек, произвели им медицинский осмотр, посадили в грузовики и увезли в городские публичные дома для солдат.

Слышишь ли ты это, боец Красной Армии? Твоя сестра, твоя мать призывают тебя к защите и к мести. Помни: перед тобой немец, который убил старика, — такого, как твой отец, изнасиловал девушку, — такую, как твоя сестра, твоя невеста, погнал в рабство женщину, — такую, как твоя жена, твоя мать. Помни — и убей захватчика! Позор тому, кто только о своей жизни думает при встрече с врагом, в ком страх перешибил ненависть. Не простит родина труса!

Враг бросает все свои силы в бой, но силы его истощаются, он несет огромные потери. Гитлеровцы погнали на войну всех в Германии, кого могли. Они оголили заводы и поля. Чтобы поддержать свою военную промышленность и сельское хозяйство, немцы гонят на подневольные работы советских людей, как своих рабов.

Еще перед началом войны один из гитлеровских подручных — Дарре развивал такую программу порабощения советского народа: «На всем восточном пространстве лишь немцы имеют право быть собственниками крупных имений. Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов...» Эту разбойничью, рабо-

владельческую программу немецкие фашисты проводят теперь в жизнь.

Они уничтожают колхозы и совхозы, а земли передают в собственность немецким помещикам. Вместе с землею переходят к немцу-работладельцу и крестьяне, как крепостные, как рабы. В селе Русановке, Житомирской области, крестьяне 5 дней в неделю должны работать на помещика. За неповиновение они подвергаются порке, за отказ от работы — расстрелу. Совхоз «Полоное» и 500 крестьян окрестных деревень в захваченном немцами районе Ленинградской области отданы в рабство помещику барону Хильман. Крестьяне работают от зари до зари, не получая вознаграждения. Их бьют, пытаются, мучают.

Мы слышим их стоны. Мы знаем, что эта страшная судьба постигнет и других советских людей, если враг не будет остановлен. Надо избавить советских людей от этой горькой участи рабов. Надо спасти тех, кто ей уже подвергся. Ни шагу назад, красноармеец! Не отдавай в рабство твоих братьев, не отдавай на поругание твоих сестер!

Мы слышим их стоны в самой Германии. Насильственно, угрозой расстрелов и угрозой голода немцы отправляют русских, украинских, белорусских девушек в Германию, на невольничий рынок. Их продают в рабство на заводы, в помещичьи имения, в услужение отдельным немцам. Мы читаем страшные письма. В них

жены немецких кулаков рассказывают о том, как они издеваются над русскими и украинскими девушками. Вот пишет Анна Лиза Гаёе из Райсдорфа: «К 1 марта нам дадут трех украинских девок для работы на огороде и двух девок для работы по дому. Будь спокоен, они уже поработают».

Кровь закипает в сердце, когда читаешь в немецком письме о смерти русской девушки, замученной немецкой волчицей. «Вчера днем к нам прибежала Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в свинарнике повесилась русская девка. Хотя Анна Лиза обрезала веревку, пульс у русской уже не бился. Она была мертва. Наши работницы-польки говорили, что фрау Ростерт все била и ругала русскую».

Русская девушка предпочла смерть унижению. Нам неизвестно имя несчастной. Но пусть образ этой девушки, покончившей с собой в немецком свинарнике, стоит перед бойцом Красной Армии. Эта девушка предпочла смерть унижительной жизни. Пусть же будут отомщены ее страдания, ее слезы беззаветной борьбой ее братьев на фронте. Товарищи бойцы, вы все братья этой русской девушки! Отомстите немецко-фашистским извергам за смерть этой девушки, за все их преступления.

Мы печатаем сегодня новые материалы о фашистских зверствах. Кровь стынет в жилах, когда читаешь описание чудовищных пыток, чинимых остервенелым врагом над советскими

людьми, над пленными красноармейцами, над мирными советскими жителями, уведенными в рабство. Века пройдут, а кошмарной картиной в памяти человечества останутся эти страшные концентрационные лагеря, в которых немецкие палачи убивают советских людей, — одних расстреливают, вешают, забивают насмерть, других морят голодом. Так осуществляет Гитлер свою разбойничью программу истребления советского народа.

Читай, боец Красной Армии, какая судьба ожидает того, кто «жизнь» в немецком плену предпочел смерти в бою. Нет, не смерть променял он на жизнь. Нет спасения для советского человека, если попал он в хищные лапы немецких фашистов! Он перестает быть человеком. Его превращают в скота. Пленные едят траву. Они собирают, где удастся, отбросы из немецких кухонь, они обречены на мучительное умирание.

Тысячи русских, украинских, белорусских девушек мучаются теперь в немецкой неволе. Тяжка их участь. Велики их страдания. Пусть же зовут они всех советских патриотов к непримиримой борьбе. Пусть стоит их образ днем и ночью перед глазами красноармейца! Пусть будет он жестоким укором тому, кто дрогнул перед врагом, не проявил стойкости, отдал врагу хотя бы метр советской земли, а вместе с землей хотя бы одного советского человека.

Там, в захваченных немцами районах, самоот-

верженно ведут борьбу советские люди. Не хотят они быть рабами, не хотят работать на немцев, помогать им в борьбе против нас. В концентрационном лагере в Полоцке группа в 20 девушек заявила, что не поедут они в Германию, не станут рабынями. Гитлеровские мерзавцы расстреляли советских патриотов. В Днепропетровске 150 рабочих паровозных мастерских были арестованы и расстреляны за отказ поехать на работу в Германию. Честь и слава этим гордым и свободным людям! Они доблестно пали на своем посту, защищая честь советского имени.

Мы не будем рабами! — говорят советские люди и идут на смерть, внушая врагу страх своей непреклонной волей, своей железной решимостью. Таков всюду должен быть советский человек. — Мы не отдадим вас на лютую смерть, на поругание! — это, как клятву, должен обещать советскому народу каждый его защитник. Пусть враг в стойком сопротивлении Красной Армии прочтет решимость ее не отдавать ни одной жизни мирного советского человека, ни одной пяди советской земли. Пусть стеной встанет перед врагом каждый рубеж, защищаемый Красной Армией!

Передовая «Правды», 9 августа 1942 г.

ЧУДОВИЩНЫЕ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА ФАШИСТСКИХ МЕРЗАВЦЕВ НАД СОВЕТСКИМИ ЛЮДЬМИ

В распоряжение редакции предоставлены неопровержимые документы, свидетельствующие о том, что немецко-фашистские мерзавцы продолжают самым бесчеловечным образом обращаться с советскими военнопленными и мирными жителями. Многочисленные факты подтверждают, что все эти убийства, насилия и издевательства проводятся по единому, заранее разработанному плану, по прямым указаниям германского командования.

Обстановка в концентрационных лагерях, в которых размещены советские военнопленные, вызывает чувство ужаса у всякого, кто это видел. Как правило, пленные содержатся под открытым небом, не имеют никакой защиты от дождя и непогоды. Все теплые вещи и вся более или менее приличная одежда у пленных отбирается; почти все лишены обуви, шинелей, пальто, одеял. В лагерях пленные ведут голод-

ный образ жизни; их кормят отбросами, суррогатным хлебом, тухлой кониной.

По свидетельству иностранных наблюдателей, немецко-фашистские захватчики приравняли все мужское население от 16 до 60 лет на занятой территории к военнопленным, считают их военнопленными и обращаются с ними, как с военнопленными. Этим объясняются астрономические цифры взятых в плен, которыми оперирует фашистская печать.

Жестокость обращения с советскими людьми в лагерях превосходит все до сих пор известное. За малейшее нарушение распорядка, за малейшее непослушание охрана расстреливает десятки пленных. Расстрелы применяются и тогда, когда охране кажется, что тот или иной пленный «собирается послушаться». Зачастую пленных убивают потому, что «невозможно следить за всеми разом», или потому, что пленные, выбившись из сил, отстают, падают на работе.

Каннибальская жестокость, садизм в обращении с пленными прямо и откровенно санкционированы германским командованием. Общеизвестно, что Гитлер в своих публичных выступлениях называл советских людей «животными» и «скотами». Эти выступления дали тон к зверскому обращению с пленными. Но вот и официальная, весьма красноречивая «инструкция для охраны советских военнопленных». Уже вводная часть предписывает руководствоваться следующими правилами: «Бдительность — самая высокая, вни-

мание — самое большое, недоверчивость — самая строгая».

Дальше инструкция конкретизирует правила поведения охранников: «Следует, чтобы между каждым немецким солдатом и советским военнопленным существовала большая дистанция. Всякий разговор строго запрещается. Следует препятствовать всякому сношению между военнопленными и гражданскими лицами и, если потребуется, применять оружие против гражданских... Против малейшего признака сопротивления или непослушания следует действовать энергично и прямо; в случае необходимости нужно беспощадно пользоваться оружием. Мягкотелость, даже перед послушным и трудолюбивым пленным, показывает лишь слабость и не должна иметь места... Нужно постоянно сохранять дистанцию, которая позволяет немедленно применять оружие... При попытках военнопленных к бегству — стреляйте без предупреждения, немедленно, с полным желанием попасть в цель. Не должно быть произведено ни одного выстрела для запугивания».

Гитлеровские мерзавцы послушно и охотно выполняют указания своих главарей. В лагерях непрерывно звучат выстрелы «с полным желанием попасть в цель». Тысячи беззащитных расстреливаются без всякого повода только за то, что они советские люди. Тысячи и тысячи обречены на голодную смерть, на гибель от побоев, истязаний и надругательств. Да, фашист-

ские изверги отнюдь не проявляют никакой «мягкотелости» по отношению к пленным!

Вот точные, проверенные факты о положении советских людей (военнопленных, стариков, женщин и детей) в концентрационных лагерях, расположенных в ряде городов, оккупированных и занятых немецкими войсками:

Минск. В лагерях среди военнопленных имеется очень большое количество гражданских лиц в возрасте от 15 до 45 лет. Обращение с ними такое же, как и с пленными солдатами. Советские командиры и политические работники были собраны отдельно; их судьба неизвестна.

Пленные красноармейцы, среди которых много раненых, остаются под открытым небом по 5—6 дней, лишены воды и пищи. Среди живых лежат трупы умерших от ран или истощения. От времени до времени раздаются пулеметные очереди по собирающимся; это делается «для устрашения». При раздаче пищи пленные, которые спешат получить еду, расстреливаются немецкими солдатами; каждый раз охрана убивает по несколько десятков человек.

Нередко охрана лагеря «развлекается», стреляя из пулемета таким образом, чтобы пули пролетали на высоте одного метра от земли; все, кто не успеет лечь, бывают убиты. Каждый зачитанный на немецком языке приказ подкрепляется выстрелом; стреляют всегда в людей. (Как указывалось выше, инструкция так и

предписывала: «не должно быть произведено ни одного выстрела для запугивания»).

Часть пленных из минских лагерей отправляется в глубь страны. Путешествие сопровождается зверскими издевательствами. Проводники вагонов и охрана, снабженные специальными острыми пиками, наносят пленным мучительные раны. Тысячи людей, умерших в пути от ран и голода, выбрасываются из вагонов. Значительные группы пленных направляются в глубь страны пешком, их гонят безжалостно, как скот. Обочины дороги на Гродно и Вильно покрыты могилами пленных, погибших в пути от истощения. Выбившиеся из сил расстреливаются конвоирами.

Демблин. В лагере пленные настолько голодны, что едят траву. Когда прибывает состав с военнопленными, то из всех вагонов вытаскивают труны погибших в пути. Людей, истощенных и слабых, расстреливают на месте, убивают прикладами или гранатами.

Киев. В окрестностях города немцы забрали всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, объявили их военнопленными и поместили в лагерь. Между тем среди населения лагеря красноармейцев было не более 15 процентов.

Белишов. Прибытие новых военнопленных в лагерь представляет собой страшную картину. Они находились в пути 8 дней без пищи. Заключенные умоляли жителей дать им есть и пить, но приближаться к поезду запрещено.

Когда к поезду подали грузовики, то охрана, забавляясь, заставила пленников садиться в машины на ходу; несколько десятков запоздавших было немедленно расстреляно.

Беньяминов (около Зегра). Вся дорога к лагерю советских военнопленных усеяна трупами. Конвоиры безжалостно убивают всех отстающих. Чем ближе к лагерю, тем больше трупов.

Варшава. Вид советских пленников страшен: бледные, истощенные, разутые. Конвоиры все время подгоняют их ударами прикладов. Пленные падают от голода и усталости. Население бросает им продукты, сырой картофель; его подают немедленно. Немецкие солдаты отгоняют местных жителей, стреляют в тех, кто пытается помочь советским военнопленным.

Белосток. Обращение с пленными бесчеловечное. Смертность среди них очень большая.

Фелюш. В лагере много советских женщин, которые также объявлены военнопленными. Расстрелы производятся ежедневно.

Тирасполь. Здесь в лагере было убито около 2.000 пленников. Расправа проведена немецкими солдатами совместно с эсэсовцами.

Бяла Подляска (между Люблиным и Львовом). Среди пленников — тысячи стариков и мальчиков и детей в возрасте от 13 до 15 лет. Каждый день умирает от голода и болезней 200—300 человек.

Остров Мазовецкий. Опасаясь бунта военнопленных, немецкие власти полностью уничто-

жили весь прибывший сюда состав с пленными.

Поднешие (около Соколова). Лагерь форменным образом голодает. Дневной рацион состоит из 100 граммов хлеба и воды.

Сухожебри (около Шедльцы). Военнопленные сгруппированы в лагере отдельно: русские, украинцы, белоруссы, народы Азии, казаки и совсем отдельно донские казаки. Обращение с двумя последними группами самое худшее. Питание ужасное. Каждый день умирает от 45 до 50 человек.

Ковель. Физическое состояние пленных чрезвычайно плохое. Смертность от голода и болезней очень велика. Такое же положение и в лагере в Ровно.

Кароловка (около Замощь). Пленные живут в лагере под открытым небом. Ежедневно десятки людей умирают от голода. Многие едят траву. За два километра слышны стоны и крики «хлеба!». Местные жители иногда приносят пленным пищу, но охрана немедленно стреляет в тех и других. Советские военнопленные, обязанные исполнять тяжелые работы, нередко падают от истощения и расстреливаются охраной.

Хеул Любельский. В лагере страшный голод. Дневная норма состоит из кусочка хлеба и суррогатного кофе. Но и это дают не всем. Ежедневно от голода умирает от 60 до 70 человек.

Пленные евреи расстреливаются немедленно

после приезда в лагерь. Их заставляют копать себе могилы, связывают группами по несколько человек, ставят около могил и расстреливают из пулеметов.

Красныйстов (восточнее Люблина). В лагере советских военнопленных в одну ночь умерли от голода и усталости 70 человек.

Водава. В окрестностях городка бродит много русских военнопленных, сбежавших из лагерей, расположенных в Соколове и Бяла Подляска. Немцы устраивают на них настоящую охоту, травят собаками, стреляют, как дичь.

* * *

Доведенные до отчаяния невыразимыми истязаниями и голодом, военнопленные в некоторых лагерях устраивают побег. В этих случаях немецкие власти и охрана расправляются беспощадно и с пойманными беглецами, и с оставшимися в лагерях.

Население оказывает помощь бежавшим. Узнав об этом, фашистское командование издало ряд приказов, угрожающих местным жителям жесточайшими карами за помощь советским военнопленным. Приказ коменданта Варшавы Фишера предусматривает смертную казнь, каторгу и коллективную ответственность целых общин за предоставление крова советским военнопленным, сбежавшим из лагерей. Такие же террористические меры приводятся в приказе генерального губернатора Польши. Длительные сроки

тюремного заключения обеспечены каждому, кто даст пленному кусок хлеба или просто укажет дорогу.

Приведенные выше факты иллюстрируют, как бесчеловечно, с какой невероятной жестокостью фашистские злодеи обращаются с пленными.

Гитлеровские негодяи нагло и цинично попирают все международные законы о гуманном обращении с пленными. Фашистские мерзавцы сажают в лагеря, подвергают неслыханным надругательствам беззащитных жителей из захваченных районов, стариков, женщин, детей. Бандиты обрекают советских людей на голод, на муки, на смерть.

Нет и не может быть никакой пощады этим убийцам, именующим себя «носителями нового порядка». С фашистскими людоедами может быть только один разговор — языком свинца и меча.

«Правда», 9 августа 1942 г

ЧТО Я ВИДЕЛ И ПЕРЕЖИЛ В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ

Красноармеец Федор Егорушкин попал в фашистский плен. Но ему удалось бежать и добраться до частей Красной Армии. Сейчас тов. Егорушкин — на Ленинградском фронте. Он участвовал в последних боях за пункт Я. Лютая ненависть к врагу вела его в бой. Федор Егорушкин одним из первых бросился на вражеский рубеж. Раненный в руку, он продолжал стрелять и только после приказа командира ушел на медпункт.

Ниже мы печатаем рассказ тов. Егорушкина о том, что он видел в фашистском плену.

«Трудно рассказать обо всем, что пришлось видеть и пережить в немецком плену. Это ад, которого не выдерживает ни один человек.

Четыре дня гнали нас, как скотину. Мы были голодные и радовались, когда видели на дороге мерзлую картошку, листья капусты, бураки. Но как только кто-нибудь останавливался, — его убивали на месте.

Немцы боялись ночевать в деревнях. Мы валялись в поле, в грязи, под дождем. На пятые сутки многие совсем потеряли силы. Люди падали. Недалеко от меня шел боец с перевязанной головой. Страшный был у него вид. Лицо опухшее, губы черные. Он шел и шатался, потом упал. «Братцы, помогите!» — стонал он. Подъехал немец, крикнул: «Рус, рус!» — и показал ему на обочину дороги. Наш товарищ отполз в сторону, и немец выстрелил ему в голову.

Нас привели в захваченный извергами город Р. Мы шли по пустым улицам, мимо разбитых рядами домов, и пришли на окраину к пустырю, обнесенному проволокой. Немецкие солдаты открыли ворота и начали палками и прикладами загонять нас с двух сторон, как скотину.

Нам приказали жить в землянках, где раньше складывали овощи. Люди лежали там вповалку, задыхаясь от смрадного воздуха. Кто был послабже — умирал. Трупы умерших нарочно не убирали.

Через проволочную изгородь нам, как в зверинце, просовывали на палках крышки от ранцевых котелков. Там была разбавленная водой горсточка овсяной или чечевичной муки. Случалось, привозили еще дохлую сырую конину. Чтобы получить свой паек, надо было дожидаться с 5 до 8 утра под дождем, по колена в грязи. Тому, кто хоть на минуту опаздывал, ничего не давали и палками гнали назад.

Начались желудочные болезни. Люди мерли, как мухи. Восемь наших бойцов возили для немцев с колхозного поля картошку и по нескольку картошек спрятали в карма́нах. Ночью они развели в яме огонь, хотели сварить картошку в банках. Охранники заметили дымок, схватили наших товарищей, поставили их между двух землянок и расстреляли.

Не перечесть всего, что делали с нами. Измывались, как хотели, плевали в глаза, били чем попало. Я порешил — лучше смерть, чем такая жизнь. Однажды на работе мне удалось бежать. Меня спрятали наши русские люди. Несколько дней я жил в деревне, через которую прошел немец.

Я видел деревню, в которой не осталось ни одной избы. Все начисто сожгли немцы. А за что? За то, что у одного ихнего солдата будто бы пропали в этой деревне не то брюки, не то сапоги.

В деревне Жабунино повесили в саду женщину-колхозницу с сыном за то, что она накормила партизан.

Немцы рыскали по домам, забирали у колхозников все съестное. Один немец увидел женщину, на коленях которой сидела маленькая девочка и в ручонках держала куриное яйцо. Немец подскочил к девочке, вырвал у нее яйцо. Ребенок испугался, заплакал. Тогда злодей вырвал девочку у матери, схватил ее за ножку и ударил о землю.

Товарищи бойцы! Страшна доля того, кто попадет в плен. Лучше смерть от пули, чем немецкая неволя. Когда я вырвался из нее, то со слезами на глазах припал к родной земле и поклялся: «Пока я жив, — сказал я себе, — пока сердце у меня бьется, за все, что видел в плену, буду мстить, не зная ни жалости, ни пощады».

Товарищи! Бейте беспощадно гитлеровских собак!

Красноармеец *Федор Егорушкин*.

«Ленинградская Правда», 11 августа 1942 г.

НЕМЕЦКИЙ ПЛЕН ХУЖЕ СМЕРТИ

Как глумятся подлые немцы над русскими людьми

Пятнадцать дней я пробыл в германском плену, пока мне не удалось бежать из этого ада.

В плену нас морили голодом — за 15 дней два раза мне удалось поесть нечищенной, гнилой картошки. Часами приходилось выстаивать в очереди за грязной бурдой-баландой, и полицейские издевались над нами, избивая палкой.

Около нашего лагеря немцы устраивали дикие расправы над мирным населением. В холодный день они выстраивали женщин, детей и стариков и командовали:

— Раздевайт!

Когда люди оставались в одной рубашке, гогочущие немцы заставляли их делать приседания, прыгать, скакать. После этого несчастных сгоняли в большую вонючую яму, где держали по несколько суток без пищи. Многие умирали от истощения.

Я пробыл в плену несколько месяцев и

видел, сколько горя принес немец нашему народу.

В деревне Новосокольнической Горожанского района Калининской области в 12 часов ночи немцы подожгли 14 домов. Несмотря на зимний мороз, люди раздетыми стали выбегать на улицу. По ним открыли огонь из пулеметов. Двадцать человек спряталось в церкви — немцы забросали ее гранатами и убили всех.

В деревне Дарице немцы согнали со всей округи больных тифом мирных советских граждан и поместили их в заразный барак. Они подожгли барак, и сотни больных женщин, детей и стариков погибли в страшных муках.

После того, что я видел, вся моя жизнь теперь посвящена одной цели — мстить немецким разбойникам за все их надругательства над советскими людьми, над городами и селами моей родины. И пока хоть один смердящий кровавый немецкий пес ходит по нашей земле, не успокоится мое сердце!

Красноармеец *Николай ГРОМОВ*.

«На страже Родины», 30 августа 1942 г.

ГИТЛЕРОВСКИЙ ЗВЕРЬ НА ДОНУ

К песчаному берегу Дона подошел небольшой, нивесть когда построенный паром, едва поднимающий две телеги да десяток пешеходов. На берегу его ждали сотни истомленных жарой людей, сгрудились многочисленные арбы, запряженные волами и доверху нагруженные домашним скарбом, линейки, двуколки и всадники. Все эти женщины, дети и старики покинули свои родные станицы и отправились в далекий путь, чтобы уйти от ненавистного врага.

Внезапно над переправой появились немецкие самолеты. Круто снизившись, они сбросили на толпу несколько бомб. Раздались ужасающие крики, стоны раненых, плач. Самолеты пронеслись бреющим полетом над рассыпавшейся толпой и расстреливали бегущих из пулеметов. Вот у самой воды упала сраженная женщина, державшая на руках мальчика лет шести; крупнокалиберной пулей ей снесло череп. Руки убитой разнялись, и мальчик, еще не понявший всего, что произошло, соскользнул на землю. Напрягаясь, он хотел поднять мать своими тонкими

ручонками, но, увидев кровь, отшатнулся и в ужасе сел на песок.

Самолеты улетели. Люди снова собрались к переправе. Мальчик попрежнему сидел на земле, плакал горькими, безутешными слезами и громко звал мать. Люди останавливались и склонялись над маленьким казачком, но никто не мог утешить его. В толпе мелькнула фигура одинокого красноармейца. Потрясенный боец остановился у рыдающего ребенка. Веснушчатое лицо его омыла бледность. Мальчик что-то лепетал сквозь слезы и потянулся к бойцу. Сдерживая рыдания, он повторял одну и ту же фразу:

— Дядя, убей немца!

Кровью наполнилась казачья земля. Ворвавшись в степные просторы Дона, немцы чинят жуткие кровавые расправы над мирным населением. То, что произошло на одном из паромов, является лишь эпизодом кровавой оргии, которую учинили немцы в донских степях. Гитлеровские разбойники уничтожают тысячи детей, женщин и стариков. Они бомбят и обстреливают переправы, дороги и населенные пункты. Степные реки залиты кровью мирных жителей, в степных травах лежат сотни трупов.

В хуторе Хотунок, что под Новочеркасском, немецкие автоматчики расстреляли несколько жителей лишь за то, что они русские. В районе Тарасовки немцы приговорили к расстрелу всех пленных красноармейцев. Только подоспевшие

советские танкисты спасли красноармейцев от гибели.

Недавно из немецкого плена вырвалась престарелая колхозница Е. П. Дьяконова. С безысходным горем рассказывает она о гибели своего одиннадцатилетнего внучонка Мити и шестилетней внучки Мани. Вот рассказ Е. П. Дьяконовой:

— Вломился немец в мою хату и сразу полез в скрыню. Все добро сына и невестки забрал. Завязал бандит наше добро в узел и на стену уставился. На ней портрет сына, красноармейцем снят. Немец хватъ штыком в фотографию. А Митька на него бросился: «Не трожь папку». Что потом было — не помню. На куски изорвал мальчишку. Внучек мой, Митенька, солнышко ясное! Пришла я в память, шагнула к порогу, а там внучка убитая. Убийца девочке голову оторвал и штыком проколол. Я на землю упала, и кричать не могу, и слез нету.

Зловещий дым плывет над хуторами и станицами. Полыхают объятые огнем казачьи хаты. Одни горят от бомб, другие подожжены рукой зеленошкурого немецкого солдата. Горят дома станичных активистов, колхозников, которые не угодили чем-либо немецким комендантам. По улицам разбросаны изорванные перины и подушки, столы, стулья и этажерки.

В станицах свирепствуют не имеющие границ грабежи. Вламываясь в дома, грабители забирают все, что попадает под руку, с звериной

алчностью тащат казачье добро и набивают им грузовики, танки и подводы. Словно ненасытная саранча, немцы опустошают сады, огороды и фермы. Охота на домашних птиц стала излюбленной забавой немецкой солдатни.

Темною хмарою подернулся тихий Дон. Кровь, разорение, слезы, пожарища принесли немцы в цветущие казачьи станицы. Стонет донская степь. Сквозь стоны и слезы слышится голос маленького казачонка, потрясающий рассказ колхозницы Дьяконовой.

Храбрые воины, казаки! Пусть дойдет до вас клич родимых станиц и хуторов. Крепче разите врага, сделайте Дон могилой немчуре. На подвиг ратный вас зовут ваши дети, жены, матери и отцы. По всей земле Донской несется зов:

— Убей немца!

Я. Макаренко.

Действующая армия.

* * *

В кругу группы бойцов сидел раненый лейтенант Коваленко. Он на-днях перешел линию фронта и своими глазами видел разбой, чинимый немцами в оккупированных хуторах и станицах правобережного Дона. Захватив ряд станиц и хуторов, немцы дорвались до богатого края. Кругом — волнующиеся нивы зрелых хлебов, добротный урожай в садах и на огородах. Ненавистью и презрением встретили немцев

казачки и старые казаки. Молодых не осталось в станицах. Кто мог носить оружие — ушел на борьбу с лютым врагом. И фашисты не без тревоги озираются по сторонам. Обер-ефрейтор Ганс Пфау в письме к некоей Берте сообщает: «Мы ворвались в богатые места. Но все приходится брать силой оружия. Мы, конечно, не скупимся на патроны и ножи и обеспечиваем себя приличной едой».

Донские станицы и хутора, попавшие под немецкий сапог, истекают кровью, полыхают заревом пожарищ, оглашаются криками насилованных девушек, плачем матерей, стонами замученных стариков. Но вольный, свободолюбивый Дон не стал на колени перед разбойниками. Донцы поднимают свою гордую голову и ведут смертную борьбу с оккупантами. Убитых немецких солдат и офицеров находят в колодцах и стогах сена, в зарослях огородов и высокой полыни.

Немецкие коменданты не на шутку беспокоились и срочно стали принимать «меры предосторожности». Они расклеили грозные приказы и как на Украине и в Белоруссии, так и здесь на Дону приступили к установлению варварских порядков. Они запретили выходить из хат после захода солнца. В первую же ночь трое, не знавшие о приказе и вышедшие из хат, были застрелены у порога.

— Вольный Дон, — рассказывает лейтенант Коваленко, — окутан дымом. Я шел по станицам

и хуторам, и на месте красивых казацких изб видел лишь черные трубы печей. Всюду кровь, трупы, стоны...

Оставив население без куска хлеба, немцы пытаются убрать хлеб руками колхозников. Но никто не слушается грозных приказов. Никто не выходит в поле. Заставили сдавать молоко и яйца — никто не понес. Заставили снимать фрукты и овощи — никто не шевельнул пальцем. Тогда немцы начали «организованный грабеж».

В Кирилловском хуторе я наблюдал такую картину. Под вечер на улицах появилось несколько машин. Солдаты проворно сняли железные бидоны и разнесли по дворам. Хозяйка объяснила мне, что немцы приезжают сюда за молоком и яйцами каждое утро и вечер. Они с оружием в руках ждут, пока скот придет с пастбищ, и тогда начинают торопить казачек быстрее доить коров. Они забирают все молоко и яйца.

В селе Селивановка находится лагерь военнопленных красноармейцев. Он размещен на солнцепеке. Пленные умирают от голода и жажды. Фашисты не дают им куска хлеба, ни капли воды. Они чинят дикие расправы над пленными. Я видел красноармейца Беседина, бежавшего из этого лагеря пыток. На его спине нет живого места, все иссечено плетью. Рубаха липнет к кровавым кускам мяса.

Кругом стояла тишина. Все молчали, сосредоточенные и гневные.

Раздалась команда: — По машинам! Бойцы быстрее обычного вскочили в машины, и они одна за другой помчались по пыльной дороге на запад. Дон остался позади, на востоке. Лейтенант Коваленко со своим подразделением спешил туда, где идут ожесточенные бои. Он, как и все бойцы, слушавшие его рассказ, поклялись безмолвной клятвой: стоять до последнего, ни шагу назад!

В. Куприн, Д. Акульшин.

Действующая армия.

«Правда», 8 августа 1942 г.

ЗВЕРСТВА ФИНСКИХ ФАШИСТОВ В КАРЕЛИИ

В оккупированных районах Карело-Финской ССР маннергеймовские бандиты учредили так называемое военное управление Восточной Карелии. Занято оно расстрелами мирных жителей, грабежом колхозов, устройством концлагерей для русских и карел.

Захваченную территорию фашисты разделили на округа, поставив во главе каждого своего наместника. Начальник управления Восточной Карелии подполковник Котилайнен издал приказ: «Колхозную собственность — сельхозмашины, инвентарь и другое имущество, а также домашний скот следует учесть и объявить трофеями».

В Заонежском районе, где осталось наибольшее число плененного населения, финские грабители забрали у колхозников весь хлеб, до последней горстки. Во всех районах свирепствуют голод и болезни. Необычайно возросла смертность. Все продовольствие, все сырье, все имущество, которое осталось в захваченных районах,

финские мародеры отправляют в Финляндию. Этим делом занимается специально созданное акционерное общество «ВАКО».

Советские люди, которым удается бежать из фашистского плена, рассказывают о том, как выглядит Петрозаводск под пятой Финских гитлеровцев. Дома в городе полуразрушены, все культурные учреждения — филармония, университет, театр — разгромлены, памятники, — и новые, и старинные, петровских времен, — снесены. Предприятия не работают. В городе нет электроэнергии.

С карелами оккупационные власти пытались вначале заигрывать, но, не встретив у них сочувствия, подчинили каторжному режиму и карел. Как ни пытаются гитлеровские холопы разжечь национальный антагонизм между карелами и русскими, им это не удается.

В ответ на расстрелы ни в чем не повинных граждан советские патриоты систематически истребляют ненавистных фашистских оккупантов и их ставленников — комендантов и старост.

А. Шур.

Карельский фронт.

«Правда», 9 августа 1942 г.

САДИСТЫ

Перед нами акт, скрепленный семью подписями: батальонного комиссара Меньшикова, старшего политрука Калянова, военврача 3-го ранга Гура, лейтенанта Терерюка, санинструктора Васячина, сержанта Неверова и красноармейца Кононова.

Вот этот акт: «В нашем присутствии было произведено медицинское освидетельствование трупа опознанного нами красноармейца — Афиногенова Петра Васильевича. Афиногенов был зверски убит 1 июня 1942 г. фашистскими извергами. На голове в теменной области имеется вырезанная режущим инструментом пятиконечная звезда, кости черепа раздроблены, от чего и последовала смерть. Изверги-фашисты замучили красноармейца Афиногенова».

Акт лаконичен, но потрясающ. Скупые слова рисуют жуткую картину. Сколько их было, этих извергов-фашистов, — двое, трое, четверо, — все равно: полузамученный уже ими красноармеец не был в состоянии защищаться, и вот туго методически эти мерзавцы ножом, острием

штыка, долотом или отверткой, необходимой для разборки и сборки винтовки, долбили ему черепные кости, чтобы выдолбить в них, в этих костях, пятиконечную звезду, ту звезду, которую с честью носят наши воины на своих головных уборах или на груди, когда награждают их орденом Красной Звезды.

Во время первой мировой войны немцы вырывали лампы у пленных казаков, то-есть сдирали кожу полосами во всю длину ног, упражнялись также и в вырезывании или выжигании «кокард» на лбах; теперь они пошли еще дальше, эти ратоборцы «нового порядка» в Европе, в Африке, в Америке, — во всем мире.

Замученный садистами Петр Афиногенов будет отомщен, — мы ведем счет жертвам дикой разнузданности насильников, но возмутительный факт этот является и новой каплей в чашу терпения свободолюбивых народов. Мы видим, что очень глубока эта чаша, однако, как бы ни была глубока, должна же когда-нибудь она наполниться до краев, иначе не за что будет уважать человека.

Палачи в данном случае действовали с одобрения своего начальства, своего правительства, как действуют они и во всех других подобных случаях. И когда эти палачи в огромном изобилии снабжены всеми новейшими средствами истребления людей; когда этих палачей миллионы; когда они угрожают пытками и мучительной смертью, подобной смерти Афиноге-

нова, всем, кто не согласен стать их рабами, — тогда нужны объединенные усилия свободолюбивых и преданных истинно человеческой культуре народов, чтобы приблизить час расплаты с гитлеровскими палачами, спасти положение в мире.

И чем скорее объединятся эти усилия и обрушатся на головы гитлеровских мерзавцев-садистов, тем будет лучше для человечества: время не ждет!

С. Сергеев-Ценский.

«Правда», 9 августа 1942 г.

ГИТЛЕРОВСКИЕ ЛАГЕРИ СМЕРТИ В НОРВЕГИИ

В конце прошлого года германское командование устроило ряд концентрационных лагерей для советских военнопленных в Норвегии.

Полученные сейчас достоверные сведения показывают, что советские военнопленные в этих лагерях находятся в чрезвычайно тяжелых условиях. Они испытывают величайшие лишения, жестокий голод. Немецкие власти кормят пленных заплесневелым суррогатным хлебом. Некоторые пленные, доведенные голодом почти до сумасшествия, роются в помойных ямах, чтобы найти брошенные немецкими солдатами остатки пищи.

Обращение с пленными необычайно жестокое. Фашистская охрана дает полную волю своим садистским наклонностям, пытая и мучая пленников утонченно зверскими способами. Многих из них расстреливают на месте. В зимнее время пленных помещали в гаражах и других подсобных строениях, не имеющих полов,

без отопления. Постельные принадлежности у всех были отобраны.

В Ставангере немецкие солдаты сняли с советских пленных их форменную одежду и дали вместо нее тряпье. Пленным не разрешали бриться и умываться. Спустя несколько недель фашисты вызвали фотографов, которые должны были снять и поместить в газетах фотографии «большевистской черни».

Большинство военнопленных доставляется в Норвегию на судах. Весь долгий путь они проводят в запертых трюмах почти без пищи. Пленные, доставленные морем в Босекоп и Альта, были настолько истощены, что, по свидетельству очевидцев, едва держались на ногах. Они были так голодны, что немедленно кинулись подбирать на берегу головы трески, брошенные рыбаками. После этого их погнали в горы. Видя, как страдают советские военнопленные, норвежцы посылали своих детей бросать на дорогу свертки с продуктами. Но фашистская охрана колола штыками каждого, кто пытался поднять эти свертки.

С такой же звериной жестокостью обращались фашистские мерзавцы с советскими военнопленными, следующими в лагерь в Киркенес. За три недели пути пленные были изнурены до такой степени, что при выгрузке падали с трапа. А на набережной стояли немецкие солдаты, которые громко смеялись над пленными, фотогра-

фировали их для того, чтобы послать снимки своим семьям в Германию.

Норвежское население широко сочувствует и старается всячески помочь советским военнопленным. Отношение трудящихся Норвегии к советским военнопленным лучше всего характеризуется следующим примером. Одному пленному удалось бежать из лагеря, расположенного в районе Ставангера. Фашисты приняли ряд мер, чтобы поймать беглеца. Они поместили объявления в газетах, в которых бежавший описывался как опасный преступник, разослали дозоры. Но военнопленного так и не нашли. Его приютили норвежцы.

«Правда», 9 августа 1942 г.

НЕМЕЦКИЕ ЗВЕРИ УГНАЛИ МОЮ СЕМЬЮ В РАБСТВО

Моя мать, жена и дети жили в Ленинградской области. Но вот в наше родное село Высокое нагрянула немецкие оккупанты. И долго я не знал, что стало с дорогими мне людьми.

Теперь наше село освобождено от фашистских извергов, и я получил письмо от секретаря исполкома сельского совета:

«Вы хотите знать, где ваши родные. Их постигло большое несчастье. Жену вашу Марию Алексеевну, дочерей Валю и Тамару, старуху-мать и сестренку фашисты насильно угнали в Германию. Плач и стон стояли над деревнями, когда уводили в рабство наших женщин, детей. Село Высокое фашисты сожгли дотла. Мало домов осталось и от нашей деревни Остров. Немецкие звери все у нас забрали. Увезли последние пожитки, увели скот. Отомсти за нас фашистам, дорогой наш друг товарищ Алексеев».

С болью в сердце прочитал я эту страшную весть. И сказал себе: «Мсти, пока есть силы,

пока видят глаза, пока руки держат винтовку». Четыре гитлеровских холопа уже полегли от моих пуль. Но разве только четырех бандитов мне надо убить за то великое горе, что принесли подлые враги моей родине, моим близким!

Я не успокоюсь, пока на нашей земле останется хотя бы один фашист. И вас, боевые друзья, призываю к святой мести, к боевой активности. У каждого воина должен быть счет мести. Помни, товарищ, когда мы вернемся домой, родные и друзья спросят нас: сколько ты убил фашистов?

Лейтенант Н. Алексеев.

«Ленинградская Правда», 11 августа 1942 г.

ПИСЬМО

Бойцы читали его, стиснув зубы от ненависти. Из рук в руки, из окопа в окоп переходило письмо, полученное красноармейцем Пономаревым от сестры Марии.

«Добрый день, дорогой брат Шура. Сообщаю, что я пока нахожусь в дороге. Была я в немецком плену. Когда наш город немцы захватили, то сейчас же все фашисты разошлись по квартирам. У нас остановился какой-то большой начальник. Посмотрел на фотокарточки и спрашивает у матери: «Что это за карточки, старуха, у тебя». Она ответила: «Это мой сын». «Ага, он где? Он на фронте служит? Он партизанщик, давай переводчика...»

Он побежал, и сейчас пришел переводчик, все ему зачитал и он все взял с собой, твои карточки и карточки всего твоего завода и понес с собой, а потом прибегает один и говорит:

— Эй, мать, пошел.

А она сказала:

— Куда?

— Знаем куда, за сына партизана рассчитаться душой. А ты, девочка молодая, не плачь, твою мать завтра повесят. Она не одна.

Я переночевала в одном подвале, а утром пошла на кладбище, куда меня послали добрые люди, и смотрю — ведут 45 женщин. Идет мама с правой стороны. По десять женщин связанных, чтобы они не убежали. Народа очень много, все смотрели, как их начали вешать. До этого немец высказался по-русски, говорит, что «за партизан рассчитаться душой». Они висели два дня и стояли часовые. Какие женщины чего говорили, то их резали и издевались, а потом все равно вешали. А я сразу убежала и все бросила. Я скиталась голодная, но только что твои деньги, что ты прислал мне, и спасли. Я теперь снова стала свободной и еду до твоей жены. Думаю найти. Вот, дорогой братик, смотри: всех, кого забрал немец в плен, всех режут, издеваются, а потом стреляют. Бей его, негодяя, я от него ушла.

Твоя сестра *Маруся*».

О, если б когда-нибудь увидеть этого немца, ведущего по проселочной русской дороге сорок пять женщин на пытку и смерть, — если б в подлое брюхо его всадить штык!

Кровь смывается только кровью. Слезы невинных страдальцев смываются только немецкой кровью! Крепче же огонь по врагу! Да грянет же

гром нашей мести, как святая, всеочищающая гроза, как карающая, неумолимая, грозная сила! За каждую слезинку детскую, за каждую поруганную седину старухи отомстим беспощадно, будем бить и добивать немецкую гадину, чтоб не было ей больше места на земле!

«На страже Родины», 30 августа 1942 г.

ТАМ, ГДЕ СВИРЕПСТВУЕТ ГИТЛЕРОВСКАЯ ЧУМА

Недавно линию фронта перешел бежавший из фашистского плена советский гражданин Георгий Яковлевич Бобцов. Он провел несколько месяцев в концлагере, расположенном в городе Слуцке, Ленинградской области.

Г. Я. Бобцов рассказал, что немцы привели город в крайне запущенное состояние. Всюду валяются кучи мусора, тряпья, отбросы. Население голодает. Особенно плохо выглядят дети: «Бледные, худые, шейки, как ниточки». Целые семьи умирают от голода, трупы погибших валяются на улицах и не убираются неделями. Сейчас жители едят лебеду, траву, сушат и толкут листья.

В городе свирепствует жестокий террор. На площадях — виселицы. Гитлеровцы цинично издеваются над жителями, насилуют женщин, отправляют их в дома терпимости, организованные для офицеров.

Знаменитый Павловский дворец разграблен. Северная часть его сгорела, ценности, картины,

вазы, статуи вывезены в Германию. Великолепный Слуцкий парк вырублен.

Магазины в городе не работают. Бытовых учреждений для обслуживания населения нет. Жителей осталось мало, большинство их замучено и расстреляно. 17 июля была проведена очередная облава, всех мужчин отправили на тяжелые работы.

В городе созданы отдельно лагеря для военнопленных и для мирных жителей (так называемый трудовой лагерь). В трудовом лагере томятся сотни мужчин, женщины и детей, многие умерли от голода. Заключением изредка приносят отбросы из немецких кухонь, они попрошайничают, с огромным трудом выпрашивают овес, который толкут и варят из него похлебку.

В лагере военнопленных режим еще бесчеловечнее. В течение зимних месяцев почти 75 проц. заключенных в лагере умерли от голода и побоев. За малейшую провинность охрана расстреливает заключенных.

«Правда», 9 августа 1942 г.

МНОГО РАЗ МЫ СМОТРЕЛИ СМЕРТИ В ЛИЦО

Красноармеец тов. Евсеев долго не получал никаких вестей от своей семьи из деревни Подбела Полавского района Ленинградской области.

Его родное село было захвачено гитлеровскими разбойниками. Мощным натиском доблестных воинов Ленинградского фронта фашистские бандиты были вышиблены из ряда населенных пунктов, в том числе и из Подбелы.

На-днях тов. Евсееву почта вручила первую весточку из родной деревни. Пишет ему одна из дочерей его, любимица, 15-летняя Лида.

«Дорогой отец! Ты не знаешь еще, какое несчастье и горе вокруг нас. Нашу деревню немцы взяли 5 сентября, и все это время, пока они, проклятые, были здесь, мы чувствовали себя рабами, как на каторге. Работать они нас заставляли с утра до ночи, без всякой еды. Когда наступили холода, отобрали все теплые вещи: все тулупы, валенки, всю шерсть до клочка. Всех овец, свиней, кур — все-все порезали,

подлюги, и сожрали, для детей даже кружки молока не оставили. Подбелы почти нет, из 40 домов только в десяти кое-как можно жить, все остальные немцы сожгли.

Отец! А что с народом нашим эта зараза творила!.. Нашего дядю Мишу, твоего брата, ты уже не застанешь в живых. Его змеигитлеровцы повесили еще 28 января, в лютый мороз, за то, что он указал раненому красноармейцу дорогу к нашим. Бедный дядя Миша, мы его никак не можем забыть, он долго голый висел на вожжах у татьяниного дома, на той старой тополине, у которой вы часто собирались... Это его подвели Варник и Шкробень, которые только прикидывались колхозниками, а оказались кулаками. Они при немцах были старостами и всем заправляли.

Коле и Мане — нашим дорогим братишке и сестренке — не передавай привета, их 23 мая разорвало на минах, которые немцы расставили вокруг деревни.

Дорогой отец! Я не смогла передать в своем письме и малой доли наших страданий и горя, причиненных нам немцами. Неужели же ты, отец, и твои товарищи не отомстите за нас?

Убей немцев, отец! Убей, чтобы они не поганили больше нашу землю, чтобы не издевались над советскими людьми!

Твоя дочь *Люда*.

«Ленинградская Правда», 18 августа 1942 г.

РАЗДАВИМ ГАДИНУ!

Кто из ленинградцев не знает Луги и богатых деревень, раскинувшихся вокруг этого старинного русского города?

Заревом пожаров, виселицами, зверскими расправами над беззащитными женщинами, стариками и детьми сопровождалось продвижение немецких оккупантов по Лужскому району. Пустыней, сплошным пожарищем стал цветущий колхозный край.

Сами немцы признаются в том, что они принесли неслыханные страдания мирному русскому населению. Вот как описал существование русских колхозников, стонущих под немецким игом, обер-ефрейтор Ганс Иоахим Гриеп.

«Через деревню Тестово толпами тянутся беженцы. Один дом в деревне был битком набит беженцами. Я посетил это место, несмотря на вывеску: «Осторожно, заразно». Вид был ужасный. Трупы людей кучами валялись перед домом, снег был окрашен в красный цвет. При первом взгляде я понял, что эти люди погибли от дизентерии и тифа. В комнатах на полу ку-

чами лежали или сидели рахитичные дети, такие, каких я видел только на картинках. Вот в углу сидит маленькая девочка и держит на коленях листик бумаги. Она чешет себе голову, из которой, как дождь, сыплются вши. Столько вшей я еще не видел никогда в жизни. Там сидит старик, одна нога у него отморожена и представляет собой бесформенную массу. Кругом лежат люди. Воздух здесь отвратительный. Я прохожу сквозь эту зловонную массу и ругаюсь в сторону».

Вот как, по свидетельству самих немцев, живет население в оккупированном Лужском районе.

Кто отвечает за эти неслыханные, нечеловеческие страдания женщин, детей и стариков? Кто, как вампир, пьет народную кровь? — Немец. Ударим же гадину так, чтобы она сдохла на нашей земле!

В. Саянов.

«На страже Родины», 8 августа 1942 г.

В ПОРХОВЕ

Проселочными дорогами и лесными тропами пробирались шесть человек. Они шли из Порхова в партизанский край за оружием и боевым советом. Они шли к одному из бывших районных работников, ныне комиссару партизанского отряда.

Это была радостная и вместе с тем грустная встреча. Нынешний комиссар отряда до войны вместе с другими партийными работниками района неустанно трудился над улучшением животноводства и поднятием культуры льна. Немало сил и энергии было положено на благоустройство города Порхова. Год назад этот человек с небольшим партизанским отрядом ушел в лес. Теперь он с волнением слушал рассказы пришедших о том, как хозяйничают немецкие звери в Порхове.

Город во многих местах разрушен. Оборудование овчинно-шубного и других заводов вывезено в Германию. Как в городе, так и во всем Порховском районе немцы ввели режим концентрационного лагеря. Входить в город и выходить из него запрещено без специального раз-

решения комендатуры. В страхе перед партизанами немцы даже запретили ходить из одной деревни в другую. Это еще более ухудшило снабжение города сельскохозяйственными продуктами.

Вначале между городом и деревней существовал своеобразный натуральный обмен. Потом приказом немецкого командования ввоз продуктов в город был запрещен. Выезд городских жителей в деревню для обмена вещей на продукты тоже запрещен. Приказ комендатуры гласит: за продажу городскому населению продуктов питания — хлеба, мяса, молока — наказание по законам военного времени. Этими чудовищными мерами гитлеровцы хотят заморить голодом население наших городов, а оставшихся в живых заставить отправиться на работу в Германию. С другой стороны, они стремятся сохранить сельскохозяйственные продукты для себя.

Немцы делают жалкие попытки пустить некоторые предприятия в ход, но ничего путного из этого не выходит. Они открыли было для своих нужд овчинно-шубную мастерскую, но сырья в районе не оказалось.

Положение работающих на городских предприятиях не лучше положения безработных. Заработная плата женщин — до 140 рублей в месяц, мужчин — до 200 рублей. Этого буквально не хватает на кусок хлеба. Кроме того, немецкое командование взыски-

вает с населения невыносимо большие поборы и налоги. Для городского населения установлено всего семь видов денежных налогов. Это подоходный налог, поголовный с каждого, начиная с 14 лет и старше. Между прочим, этот налог выплачивается и в том случае, если занесенный в списки умер. Тогда за него платят родственники. Есть еще налог со строения, налоги с застроенной и с незастроенной части приусадебного участка. Управе разрешается также вводить дополнительные налоги на ремонт дорог, на содержание местных учреждений и др.

Гитлеровцы стремятся по-своему разрешить земельный вопрос. Ругая на все лады колхозную систему, они сохраняют «общинный двор», т. е. тот же колхоз, во главе которого стоит, конечно, не председатель правления, а староста — ставленник немецкой комендатуры. Староста единолично распоряжается всем хозяйством общинного двора и обязан выполнять все требования на продукты со стороны немецких грабителей. Кроме натуральных поставок и поборов с крестьян обязали крестьян продавать немцам дополнительно продукты по твердым ценам. Таким образом крестьян обирают до нитки.

«Земельная реформа» рассчитана еще на то, чтобы обеспечить даровой рабочей силой вновь организуемые имения немецких баронов и офицеров. В районе Порхова уже организованы первые три имения. Так, бывший совхоз «Полное» и земля, принадлежавшая расположен-

ным рядом колхозам, переданы Гитлером порховскому коменданту графу Хильману, и несколько сот русских крестьян отбывают барщину в этом имении. Бывший конесовхоз Волышово отдан немецкому майору. К нему прикреплена Лаговенская «волость», население которой обязано ежедневно выделять 50 человек для бесплатной работы в имении майора (со своим питанием). Все мастеровые и плотники из окрестных сел согнаны для постройки дома новоявленному помещику. Царит ничем не прикрытое крепостное право. Кстати сказать, в конце июля партизаны разделили под орех подобное имение, образованное в бывшем совхозе, покончив с немцем-управляющим и его прихвостнями.

Кроме сельскохозяйственных продуктов, с каждого крестьянского двора выскребаются полотно, одна овчина, одна пара валенок, варежки, носки. Для руководства сельским хозяйством немцы подобрали «агрономов» из предателей и изменников. Конечно, с настоящим агрономом тут нет никакого сходства. Это по сути дела представитель немецкой власти на селе. Любой бывший кулак или уголовник может оказаться «агрономом». Например, в Порховском районе назначен помощником агронома земельной управы некий Вязанко Андрей, окончивший всего два класса начального училища. Зато у него оказались другие «преимущества»: он долгое время сидел в тюрьме.

Что можно сказать о быте района, об его культурной жизни? До войны здесь функционировали 102 школы. Все их немцы закрыли. Осенью 1941 года открылось 6 начальных и одна средняя школа. Но вскоре учитель Сухоуков был повешен за слушание советских радиопередач, и немецкое командование объявило, что учителя не оправдали доверия германской армии. Среди учителей провели чистку. К 1 января 1942 года ни одна школа уже не действовала. В Порхове сожжена библиотека, русской книжки не достать. Зато немцы открыли публичный дом.

Немцы обратили свое внимание и на церкви. Они потребовали, чтобы священники призывали верующих молиться о даровании победы германской армии. Порховские священники Байков и Березнев отказались служить подобные молебны. Тогда командование пригласило немецкого пастора, который выступал с проповедями перед населением. Крестьяне были обязаны возить его по деревням. Во время этих переездов пастора прикончили.

Появление немцев в Порхове ознаменовалось сооружением виселиц на улицах и площадях. По данным самих немцев, в городе казнено более 250 человек. Повешены: член местного совета Курсанов, заведующая Домом крестьянина Иганина, председатель Лаговенского сельского совета Никитин, заведующая городской столовой Семенова, агроном Прядыльщи-

ков, учитель Сухоруков, жители Ребров, Васильев, Ефимов и другие. Особенно зверскую расправу учиняли фашисты над детьми. Они поднимали малолетних за волосы и расстреливали навесу из пистолета.

Немецкие офицеры и солдаты насилуют женщин и девушек. В одном доме на Старорусской улице немцы на глазах мужа изнасиловали жену. Однажды группа пьяных немцев ворвалась в женское отделение городской бани и набросилась на женщин. Те убежали в мужское отделение бани, немцы — за ними. Мужчины заступились за женщин, и тогда немцы открыли пальбу, причем одного застрелили, а второго ранили. Женщины разбежались из бани. Одна из них нагая бежала с Советской набережной на Пушкарскую через весь город.

Бесправное положение населения, голод и безработица, немецкие издевательства и преследования, угон советских людей в Германию — все это сплетается в один кошмарный клубок. Выстрелами карателей, стоном стариков, женщин и детей оглашены улицы Порхова. Но жители города верят в победу Красной Армии и, где возможно, вредят гитлеровцам. За последнее время оживилась партизанская борьба в районе, участились диверсии на железной дороге. Старший батальонный комиссар *С. Беспрозванный*.

Батальонный комиссар *А. Майоров*.

Северо-Западный фронт.

«Красная Звезда», 11 августа 1942 г.

ИЗВЕРГИ

Из рассказов очевидцев

Несколько дней назад группа жителей Новгорода вырвалась из фашистского ада. Они рассказали о том, что делается сейчас в Новгороде.

Немцы методически уничтожают остатки старинного города.

Немецкие бандиты предоставили населению Новгорода на выбор: умереть от голода или немецкой пули, или отправиться на каторгу в Германию. Люди ехать в Германию отказываются. Немцы насильно увозят новгородцев.

В городе свирепствуют заразные болезни. Однако немцы закрыли все больницы. Чем бы житель ни заболел, немцы отправляют его в Полновскую психиатрическую лечебницу, из которой еще никто никогда не возвращался.

Страшна и жизнь крестьян в близлежащих к Новгороду деревнях. По семи сельским советам из 2.100 крестьянских домов гитлеровцы разрушили 1.500. Немцы устраивают в деревнях кровавые расправы и издевательства над мирным населением. Жителя села Гора Степана Авгеева

немцы заперли в бане и сожгли вместе с постройкой. Двух крестьянских мальчиков — Михайлова и Гаврилова — немцы заставили ходить по минированному полю, чтобы обнаружить, где находятся мины. Дети чудом уцелели. Но когда немцы расчистили поле от мин, они расстреляли мальчиков.

Бесконечны злодеяния немцев.

«Ленинградская Правда», 18 августа 1942 г.

НЕНАВИДЕТЬ — ЗНАЧИТ УНИЧТОЖАТЬ ВРАГА

На середине большого шалаша медленно догорал костер. Бойцы, сидевшие у огня, не замечали, как угасало пламя.

Перед глазами у всех вставали светлые образы героев, замученных фашистами.

— Их было тринадцать, — рассказывал старший сержант Якушин, — двенадцать юношей и одна синеглазая девушка с густой темнорусой косой. Бойцы были ранены, и девушка — медицинская сестра — осталась с ними, выполняя свой долг.

Захватив наших воинов, фашисты сразу же начали допрос: «Где главные силы? Сколько войска?». Много часов, а может быть и целые сутки длился допрос. Их пытали и мучили, — все тринадцать погибли, но никто из них не нарушил присяги.

...Бойцы не расходились, хотя рассказчик умолк и давно угасло пламя костра. Каждый из них мог дополнить эту страшную быль о зверствах фашистов многими фактами.

Девушка в плащ-палатке Клавдия Дунаева могла бы рассказать, как немцы ворвались в ее родной дом и разбойничали там — сломали сундуки, шкаф, комод, забрали все ценное. Уходя, они заметили на стене фотографию ее братьев — командиров Красной Армии. Положив узлы на пол, они до смерти избили мать и, взяв награбленное, ушли в кабаки.

В тот вечер в шалаше у костра сидели 26 воинов. У каждого было свое горе. Их сроднили общая ненависть к врагу, жажда мести.

Недавно 26 смельчаков, во главе со старшим лейтенантом Петрашиным, встретили подразделение белофиннов. Завязался бой. Отважно дрались тт. Чайкин, Волков, Мелнин, Куждин, Ремизов, Якушин, Панин. Устроив засаду, они открыли по белофиннам огонь из пулеметов и автоматов. Во время этой операции враг потерял 110 солдат и офицеров.

День, когда не удастся уничтожить нескольких фашистов, бойцы считают прожитым напрасно.

За последние дни подразделение истребителей лейтенанта тов. Петрашина уничтожило 272 шюцкоровцев.

В. Николаев.

Действующая армия.

«Ленинградская Правда», 11 августа 1942 г.

СЕМЬЯ ДЕДОВЫХ

Боец Митрофан Дедов переслал мне письмо от своих родителей и сестры из колхоза Иркутской области:

«Добрый день или вечер, здравствуй, любезный сын и братец Митроша! Шлем тебе чисто-сердечный привет и желаем успехов над злейшим врагом. Первым долгом сообщаем тебе, что Филя наш героически погиб в борьбе против немцев. Проявив мужество, он был тяжело ранен и 3-го мая умер в госпитале. Похоронен на кладбище в селе Рыбацкое. Когда пришло извещение, что Филя погиб, папу вызвали, он пришел домой и сильно заплакал. Мама спрашивает, о чем ты плачешь, он не говорит, а потом сказал, и мы плакали два дня. Теперь мы его не увидим и не услышим. Он нас веселил, писал «хорошо живу». Митроша, ты за Филю отомсти, ты отомсти за своего братца. Будь героем, Митроша, пишет тебе отец и мать и сестра Маруся. Ты сражайся, Митроша, как Чапаев, и читали мы про ученицу Зою. Она пошла против немцев и ее поймали и спросили:

«Где Сталин?» Она сказала: «Сталин на своем посту и я на своем посту». И умерла. Маруся тебе пишет, Митроша, надеюсь я, что возьмут меня на фронт, хочу отомстить за нашего Фило и защитить дорогую Родину. Отец и мать просят у тебя прощения, если не суждено тебя увидеть, и говорят тебе, дорогой Митроша, любезный наш сын, сражайся, как смелый русский человек, но не допусти немца, чтобы не было на сердце такого камня. Остаемся живы и здоровы и того желаем тебе».

Если станет тебе тошно, прочти это письмо сибирских крестьян. В нем все величие русской души. Преклоняется наш народ перед горем матери, потерявшей сына. Понимает он тоску отца, когда он узнал, что погиб его любимый Филя. Но нет чувства крепче, чем любовь к родной земле, и вот родители благословляют второго сына на подвиг, на смертный бой с захватчиками. Можно ли победить народ, в котором миллионы Дедовых?

Илья Эренбург.

«Красная Звезда», 7 августа 1942 г.

СМЕРТЬ ДЕТОУБИЙЦАМ!

История войн еще не знала таких бесчеловечных жестокостей и омерзительных преступлений, какие ежедневно творят гитлеровские двуногие звери на нашей земле.

Немецко-фашистские мерзавцы, проводя людоедскую программу своего гнусного «фюрера», систематически истребляют мирное население во временно захваченных ими районах. Неслыханные, невиданные муки принимают от этих извергов советские люди — старики, женщины, дети. Подлые захватчики насилуют женщин, пытаются стариков, мучают до смерти пленных, истязают невинных малышей. Они выкалывают детям глаза, отрезают уши, отрубают пальцы на детских ручонках.

Читайте, товарищи, эти строки. Это — письмо красноармейцу Сидорову от его сестер Зины и Веры из Смоленской области:

«Коля, трудно описать все то, что мы пережили. Секретаря сельсовета Валю Иванову и ее дочь Нину, сына Гришу ты ведь хорошо знаешь. Гитлеровские офицеры, желая получить

у нее сведения о наших партизанах, решили воздействовать на нее посредством пыток ее детей. Связав Вале руки, эти дикие звери на ее глазах отрезали у Нины и Гриши правые уши, затем мальчику выкололи левый глаз, девочке отрубили все пять пальцев на правой руке. Валя не вынесла этих диких пыток и скончалась от разрыва сердца. Замученных до смерти детей фашистские палачи отвезли в лес и бросили. Их трупы мы похоронили в одной могиле с Валею. Зверски поступили палачи и с девочкой учительницы Марии Николаевны. Зная, что ее муж находится в партизанском отряде, дикари стали мучить ее дочь Веру. Шестилетней девочке они накаленными иглами искололи ладони, руки, уши. Затем, не добившись ничего от Марии Николаевны, они Веру отравили. Нечеловеческим пыткам подверглась и сама Мария Николаевна. Немецкие разбойники вливали ей в рот бензин, вывернули руки, искололи все тело. Умирая от пыток, Мария Николаевна ни единого слова не сказала о партизанах. В соседнем селе Малое Петрово гитлеровские людоеды согнали все взрослое трудоспособное население на принудительные работы, а всех детей и стариков истребили. Загнав в сарай 80 человек, облили их бензином и зажгли. Через час на месте осталась только груда обгорелых трупов».

Воины Красной Армии! Разве не закипает кровь в ваших жилах при чтении этого письма?

Не могут, не должны остаться безнаказанными убийства, насилия немецких душегубов над нашими советскими людьми. Льется рекой детская кровь. Кровь наших малых сынишек, дочек, сестреночек, братишек. Кровь нашей смены. Дети — наша гордость, наша радость, наша будущность. Светлый путь счастливой жизни был открыт для них в советской стране. Но в наш дом ворвались разбойники, к нам в жилье забрались хищные звери. Они жгут города и села, они рушат все, что мы создавали, они уничтожают детские жизни.

Гитлеровские выкормыши хотят истребить половину, а то и три четверти населения советской страны, чтоб оставшихся сделать бесправными рабами, обреченными на жалкое прозябание. Они хотят истребить наших детей — наше будущее. Мы говорим: безумная цель!.. Но они это делают... Это делают солдаты и офицеры германской армии. Это не воины, а детоубийцы в военных мундирах. Это не солдаты, а уголовные преступники со свастикой. Это не люди, а звери. Нет слов, чтобы заклеить кровавые злодеяния немцев. Да не слова тут нужны, а дела. Надо истреблять немецко-фашистское зверье, надо отвечать ему смертью за смерть, кровью за кровь!

Воин Красной Армии, помни: кровавые разбойники вымещают свою злобу на ребячьих жизнях. Немецкие мясники пробуют свои ножи на детских телах. Сегодня — это тело Гриши и

Нины... Завтра — это твой родной сын, твоя дочка. Сегодня немецкие изверги колют раскаленной иглой шестилетнюю девочку Веру. Завтра они могут то же самое проделать с твоим ребенком, если ты не отведешь лапу чудовища от детской головы. Фашистскую орду надо остановить во что бы то ни стало. Ее надо уничтожить — иначе она уничтожит нашу страну, наш народ.

Воин Красной Армии, останови топор, занесенный над головой твоего ребенка! Мести немцам за загубленные детские жизни, за каждую каплю детской крови, за каждый рубец на маленьком теле. Убивай немцев, убивай зверей, которые пожирают младенцев. Ни шагу назад! Вражьи банды посягают на жизнь Советского Союза. Напор вражьих банд силен, но мы должны и можем сдержать его во имя счастья наших детей. Иного выхода нет: или мы разгромим немецко-фашистские орды, или немецкие изверги замучают, загубят многие миллионы советских людей и их детей.

Стойко защищай каждый рубеж, каждый метр советской земли, каждую деревушку, поселок, дом. Помни: в этом доме живут советские дети. Помни: в районах, захваченных гитлеровскими насильниками, тысячи ребятшек, детство которых затоптано немецкими сапожищами, заплевано немецкими солдатами, ждут тебя как спасителя.

Только наша стойкость, только самоотвержен-

ность, презрение к смерти во имя жизни, выдержка, железная воинская дисциплина спасут жизнь и будущее нашей родины.

Ни шагу назад! В самую сложную, трудную секунду битвы подумай о том, что надо грудью защитить, спасти детей: это вдохнет в твою грудь бесстрашие. В самую опасную секунду битвы представь себе окровавленное тельце советского ребенка и бей, бей, бей насмерть иродов в зеленых мундирах.

Воины Красной Армии! Защитники Дона, Кубани! Советские воины на всех фронтах! Партизаны! Рабочие, изготавливающие вооружение! Колхозники, собирающие военный урожай! — все силы, все помыслы, все действия направим на разгром врага!

Кровь наших детей зовет к мести! Смерть детоубийцам!

Передовая «Правды», 14 августа 1942 г.

ДЕТОУБИЙЦЫ

— Нянечка, а мне скоро ножку новую сделают?

— Скоро, миленький, скоро! — отвечает няня, смотря в глубокие глаза ребенка.

Игорю Хичун — три с половиной года. Во время артиллерийского обстрела города его тяжело ранило. Обессилевшего от потери крови ребенка привезли в детскую больницу. Мальчик умирал. Врачи сделали все, чтобы спасти его. Но ногу сохранить не удалось. Игорь лежит, не понимая случившегося. Уже веселый, жизнерадостный. Но улыбка вдруг переходит в гримасу. Маленькая искалеченная ножка болит.

Рядом лежит девятилетний Лева. Он ранен в голову. Повреждена кость. На правой руке осталось только два пальца. Он хорошо помнит, как это случилось. Они играли на песке, около дома. Он, как старший, присматривал за малышами — четырехлетней Ирой и трехлетней Надей.

Разорвался снаряд. Надю убило. Иру ранило в живот. Мальчик тревожится — как же я теперь буду учиться в школе? Как буду писать?

Вера Федорова ходит на костылях. Не спрашивайте, где ее мама — заплачет. Жили они под Вырицей с мамой и братишкой. Веселая и дружная семья. Бежали от немцев. Девочка потеряла мать и брата; наскочила на мину, лишилась ноги. А она так любила бегать вперегонки — ей ведь всего одиннадцать лет.

Шестилетний Вадим Гусев сидит на кровати и сосредоточенно строит из кубиков дом. Он смотрит на вас серьезными большими глазами и, как взрослый, рассказывает:

— Мы все спали: мама, я и сестренка. Она была маленькая — ей пять лет. — Он снисходительно говорит о возрасте сестры, с нескрываемой гордостью подчеркивая свое старшинство. — И вдруг на нас упало два потолка. Меня ранило в обе ноги и в бок; сестренка умерла; мамочку тоже ранило.

Ребенок не знает, что он никогда больше не увидит свою мать: немцы сделали его сиротой.

Проходишь по больнице, и большое, недетское горе обрушивается на тебя.

Товарищ! Посмотри на эти маленькие искалеченные детские тела. Может быть, среди них ты найдешь и своего ребенка. Хладнокровно и методично немцы истязают, уродуют, убивают тысячи советских детей — защити! Отомсти

за детские слезы, за страдания, за неизбежное горе!

Пусть знают немцы: каждого из них на советской земле ждет одно — смерть!

М. Кропачева,

Депутат Верховного Совета РСФСР

«Ленинградская Правда», 18 августа 1942 г.

ЖИВИ МЕСТЬЮ!

Непримиримая война с гитлеризмом, война не на жизнь, а на смерть, приобретает все более острый характер. Компромиссов, полумер, «обходных путей» нет и не будет. Перед каждым стоит вопрос: быть или не быть. Решается судьба народа, судьба каждой семьи, судьба каждого, вплоть до младенцев. Решается твоя личная судьба, товарищ!

Гитлер уже 14 месяцев напрягает усилия, чтобы сломить великую Россию, разорвать ее в клочья.

Чего хочет этот убийца?

Он хочет истребить весь трудовой и боевой слой нашего народа. Он хочет вырезать нашему народу язык, сделать его беспамятным калеккой. Он хочет духовно ослабить и разложить нашу нацию и использовать ее как рабочий скот.

Читай документы, приводимые на этой странице! Читай, произнося текст вслух — себе и окружающим, чтобы каждое слово глубже врезалось в мозг, сердце и душу твою.

Немцы хотят стереть и истребить все русское,

советское, все славянское. Кровавый маньяк Гитлер боится будущего, боится объединения всех славян и их мощи.

Глядите на то, что делается в захваченных районах, глядите и вдумывайтесь все глубже.

Всюду, куда ступит гитлеровец, влезает гестапо (немецкая «тайная государственная полиция»). Воцаряется безмерный террор. В городах и селах распростерты трупы советских людей. Немцы вешают, жгут, расстреливают. Это — осуществление плана Гитлера об истреблении русских и вообще славян.

Немцы вводят каторжные принудительные работы. Они разлучают людей и гонят их в скотских вагонах эшелонами в Германию. Месяцами в болотах, во тьме шахт или среди ядовитых испарений химических заводов работают эти угнанные советские люди, занумерованные, с нарукавной повязкой, где стоит буква «О» («восточный рабочий»). Понукание, грубая брань, удары кулаком в подбородок, до крови, или кованым сапогом в живот — вот немецкий порядок. Люди перестают быть людьми, они становятся рабами, животными, скотом в ярме.

Немцы всячески деморализуют и растлевают население в оккупированных районах. Они уничтожают наши школы и библиотеки, театры, клубы. Они вытравляют русский язык. Разрушают здания — и старинные и новые. Раскидывают сеть публичных домов и притонов, куда сгоняют женщин, девушек. Заражают их сифили-

сом. Повальный грабеж всех продовольственных запасов обрекает людей на голод. Немцы сознательно стремятся обезлюдить «восточные земли», сломать дух еще уцелевших людей. Небывалая смертность царит в затихших, полуразрушенных городах и селах. Нет света в глазах людей, нет улыбки на лицах. Не слышно говора, песни... Могильная тишина.

Стонет, вопиет наша земля. Тянут тучи с запада, дождь идет, — думаешь: не дождь это, а человеческие слезы. Слезы десятков миллионов наших родных, близких людей...

И душа пропитывается одним желанием: мстить. Мстить немцам день и ночь.

Мы говорим Гитлеру и его клейменым уголовникам: Ты, изувер, — Россию тебе не покорить! Ты не сделаешь нас рабами. Ты не вырвешь из нашей груди гордого русского сердца. Оно бьется, горит пламенем веры в Россию, в наше народное святое дело.

Все помыслы наши горят сейчас одним, главным: мстить врагу. Ненависть наша к врагу бесконечна и безмерна. Она не на один день и не на один бой. Она не на месяц или год. Она на всю жизнь, — ибо преступления немцев и следы их не сотрутся и за десятки лет.

Советские люди были открытыми, добродушными, доверчивыми. Меняется народный характер. В огне войны мы становимся тверже, упорнее, злее. Есть в советском человеке такая

сила духа, которая ломает в конце концов самые жестокие трудности и опасности.

И сейчас, в трудные для Родины дни, поднимается в наших людях новая волна энергии и решимости.

Мсти врагу! — стучит сердце.

Мсти врагу! — твердит память.

Мсти врагу! — тревожит душа, покрытая свежими шрамами.

Товарищ мой! Не может быть для нас никакого покоя и передышки. Не может быть работы с прохладцей. Родине мы нужны день и ночь. Надо действовать. Пальцы наши не разожмутся и мускулы не ослабнут, пока не сломаются горловые хрящи немца, пока, упав, не испустит он последнее дыхание и не уставится потускневшими глазами в небо, в наше небо.

Мсти врагу! Неустанно думай: как, где и чем нанести немцам новый удар? Допытывай себя, соседа, друга, товарища: что нужно и можно еще сделать?

Когда потянет тебя к покою, когда начнешь погружаться в личные, удаленные, «уютненькие» мысли, воспоминания или фантазии, — останови себя, крикни: «Опасность! Не то делаю. Ухожу в сторону!».

Родина в дыму и огне битвы, никто не имеет права попусту тратить время и энергию.

Отдай всего себя делу борьбы, делу мести! Нас много, народ наш могуч, вынослив невероят-

но, мы испытаны — и наши концентрированные, пламенные и гневные усилия дадут огромные результаты.

Немец творит безмерно подлые дела. Прощенья за это нет и не будет.

Сосредоточь все помыслы, всю силу и ловкость, все знания свои, всю душу свою на мести. С мыслью о ней просыпайся. С мыслью о ней шагай. С мыслью о ней трудись. С мыслью о ней живи. Каждое действие пропитывай той же мыслью.

Тогда победа будет в твоих руках!

Всеволод Вишневский.

«Ленинградская Правда», 18 августа 1942 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Не отдадим братьев и сестер на лютую смерть, на поругание!	3
Чудовищные издевательства фашистских мерзавцев над советскими людьми	10
Ф. Егорушкин. Что я видел и пережил в фашистском плену	19
Н. Громов. Немецкий плен хуже смерти	23
Я. Макаренко, В. Куприн, Д. Акульшин. Гитлеровский зверь на Дону	25
А. Шур. Зверства финских фашистов в Карелии	32
С. Сергеев-Ценский. Садисты	34
Гитлеровские лагеря смерти в Норвегии	37
Н. Алексеев. Немецкие звери угнали мою семью в рабство	40
Письмо	42
Там, где свирепствует гитлеровская чума	45
Много раз мы смотрели смерти в лицо	47
В. Саянов. Раздавим гадину!	49
С. Беспрозванный, А. Майоров. В Порхове	51
Изверги	57
В. Николаев. Ненавидеть — значит уничтожать врага	59
И. Эренбург. Семья Дедовых	61
Смерть детоубийцам!	63
М. Кропачева. Детоубийцы	68
В. Вишневский. Живи мстью!	71

МП. 2825.

1943

Н. А. А. Н-608/11

Ир 50 $\frac{F2}{285}$

43-1004/11
1953

50 КОР.